

И. Л. Жеребцов

ОСТРОВ «АРХИПЕЛАГА ГУЛАГ» НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ

Анализируется исследование истории политических репрессий в Республике Коми, принятие республиканской программы «Покаяние» и создание благотворительного общественного фонда жертв массовых политических репрессий «Покаяние». Автор приходит к выводу, что изучение трагической составляющей советской истории необходимо. В 1920-е гг. Северо-Восток России был определен как регион для проживания административно высланных. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) часть кулачества «подлежала высылке в отдаленные местности Союза ССР». Одним из таких «отдаленных» регионов стала Республика Коми. В 1931 г. был образован Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь («Ухтпечлаг»), задачей которого являлись геологоразведка, строительство дорог, шахт, заводов. Даже ликвидация ГУЛАГовской системы отнюдь не означала, что европейский Северо-Восток России перестал быть местом размещения политических противников советской власти.

Analyzed study of the history of political repression in the Komi Republic, the adoption of the republican program «Repentance» and the creation of Charity Foundation of victims of mass political repressions «Repentance». The author concludes that the study of the tragic part of Soviet history is necessary. In the 1920's North-East Russia was defined as the region to stay administrative deported. In accordance with the decision of the Central Committee of the VCP (b) part of the kulaks «to be expelled in remote areas of the USSR.» One of these «remote» regions became the Komi Republic. In 1931 was formed Utko-Pechora forced labor camp («Uhtpechlag»), whose purpose is the exploration, construction of roads, mines, factories. Even eliminating the Gulag system did not mean that the European North-East of Russia ceased to be a place of accommodation of political opponents of Soviet power.

Ключевые слова: ГУЛАГ, Россия, Республика Коми, политические репрессии, Ухтпечлаг, кулачество, интеллигенция, профессионализм историка.

Keywords: Gulag, Russia, Komi Republic, political repression, Uhtpechlag, kulaks, intellectuals, professionalism of historian.

Исследователи Республики Коми в течение длительного времени исследуют историю политических репрессий в России, на ее европейском Севере. Разумеется, в различные периоды времени изучение этой проблематики осуществлялось по-разному, ибо вполне понятно, что при советской системе такие темы, как, например, «красный террор» эпохи революции и Гражданской войны, политсыска советской эпохи, история лагерей и многие другие находились под запретом. Историки имели возможность анализировать «белый террор», политическую ссылку эпохи самодержавия, «борьбу с кулаками и подкулачниками» времен коллективизации, но все исследования проводились в жестко очерченных идеологических рамках, стеснявших свободу научного творчества исследователей и затруднявших возможности проведения ими объективного анализа исторических событий. Многие их выводы в значительной мере не соответствуют современным научным представлениям. Тем не менее ученым удалось собрать чрезвычайно ценный фактический материал, часть которого им удалось ввести в научный оборот. Сведения, опубликованные в монографиях и сборниках документов, по сей день сохраняют свою научную ценность и востребованы.

Только во второй половине 1980-х гг. стало возможным более свободно изучать историю политических репрессий — первоначально на уровне исследований биографий отдельных личностей, подвергавшихся репрессиям. В начале 1990-х гг. уже можно было изучить все

Жеребцов Игорь Любомирович — директор Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Коми научного центра Уральского отделения РАН, доктор исторических наук.

асpekты истории политических репрессий, поскольку ученым впервые представилась возможность работать с ранее секретными архивными фондами. Огромное значение имели принятие в Республике Коми программы «Покаяние» и создание благотворительного общественного фонда жертв массовых политических репрессий «Покаяние», а также деятельность общества «Мемориал». В многотомном мартирологе «Покаяние», материалах ряда научных конференций, в публикациях Н. А. Морозова, М. Б. Рогачева, Г. Ф. Доброноженко, В. М. Полещикова, М. В. Таскаева, Л. А. Максимовой, Н. М. Игнатовой и многих других авторов проанализированы закрытые ранее темы, пересмотрены многие прежние выводы и обобщения, введен в научный оборот огромный фактический материал [1—12]. В данной статье показаны основные вехи истории политических репрессий на европейском Северо-Востоке, в середине XX в. являвшемся одним из островов «Архипелага ГУЛАГ».

Ссылка противников существовавшего политического режима на крайний северо-восток европейской части России отнюдь не была изобретением советской эпохи. Первые ссылочные появились здесь еще в XVII в. Печальная участь открыть продолжавшуюся почти четыре столетия эпопею досталась боярину В. Н. Романову (дяде будущего царя Михаила), попавшему в опалу и отправленному в расположенный на р. Вычегде небольшой уездный городок Яренск. Во второй половине XVII в. в низовьях Печоры, в Пустозерске, появилась тюрьма, куда были заключены идеолог старообрядцев протопоп Аввакум и его сподвижники (они нашли здесь мученическую смерть), участники восстания на Соловках и др. Побывали в ссылке в обширном Печорско-Вычегодском крае видные российские государственные деятели боярин А. С. Матвеев и князь В. В. Голицын, декабрист Г. А. Перетц, ученый, журналист, просветитель Н. И. Надеждин, участники крестьянской войны 1707—1709 гг. (в их числе сын руководителя восставших Кондратия Булавина — Никифор) и восстания 1863 г. на польских и белорусских землях Российской империи, народники, организаторы первых рабочих кружков и стачек, а в начале XX в. — социалисты-революционеры, социал-демократы (в том числе И. В. Сталин, отбывавший ссылку в городке Сольвычегодске в низовьях Вычегды, и, по некоторым данным, будущий глава Советского правительства А. И. Рыков, а также сценарист фильма «Броненосец «Потемкин» Н. Ф. Агаджанова-Шутко), кадеты, анархисты, бундовцы... [13—17]. Однако политическая борьба властей со своими противниками в те времена почти не затрагивала местное население и не слишком влияла на общественно-политическую ситуацию в регионе.

Положение изменилось в годы революции и Гражданской войны, когда события тех лет вызвали в обществе раскол, обострили до предела существовавшие социальные конфликты. Жителям региона довелось вкусить ужасы «красного» и «белого» террора. Советская власть осуществляла политические репрессии, главным образом через чрезвычайные комиссии (чека) и военно-революционные трибуналы; их противники использовали чрезвычайные следственные комиссии, военно-полевые суды и органы контрразведки. Для содержания массы арестованных и т. д., другие создавали в регионе концентрационные лагеря и тюрьмы. Сторонникам советской власти были уготованы тюрьмы на острове Мудьюг и полуострове Иоканья и Мурманский концлагерь. А большевики в 1919 г. организовали концлагерь («репрессориум») в Великом Устюге, в который попали многие жители региона, в том числе известный ученый П. А. Сорокин, ждавший там расстрела. Больше повезло супруге последнего премьера Временного правительства А. Ф. Керенского — О. Л. Керенской, которая в 1918 г. скрывалась в Усть-Сысольске (совр. Сыктывкар) с матерью и сыновьями. Ее арестовали, этапировали в Устюг, но заключения ей удалось избежать. А вот жителя г. Усть-Сысольска Л. А. Ленина чекисты расстреляли, хотя, по некоторым данным, вождь большевиков В. И. Ульянов обязан своим псевдонимом его дяде — Николаю Егоровичу Ленину, после смерти которого в 1902 г. Владимир Ильич воспользовался его паспортом для конспирации и стал подписываться «Николай Ленин» [14; 17—19].

Обе враждующие стороны практиковали массовые расстрелы, порой без суда и следствия. Репрессии часто сопровождались избиениями. Местный самобытный писатель-крестьянин В. П. Кунгин так писал об увиденном: «Население было терроризовано... Друг друга душили и убивали, не разбирались в людях. Примерно: белые убивали людей, одетых в красную рубашку! Все красное приходилось уничтожать. Если власть переходила к красным, они действовали так же...» [20, с. 78, 79]. Командующий Северным фронтом белых генерал-майор В. В. Марушевский писал в своих мемуарах о ситуации на европейском Северо-Востоке: «В этих глухих местах ... революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов... Одна часть населения зверски истребляла другую». Он упоминает проруби на глубокой Печоре, «заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды. Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый — было почти невозможно» [21, с. 332, 333].

С завершением Гражданской войны политические страсти в регионе приутихли, однако исторический (в том числе и самый недавний) опыт использования бескрайних лесных просторов с их бездорожьем будоражил умы новой власти, причем не только центральной. «Мы всех негодных, паразитов, саботажников как врагов рабоче-крестьянской власти целыми десятками направляли в наш губернский центр... или в Чека, или прямо на тыловые работы и в концентрационные лагеря», — рапортовал Усть-Сысольский уездный комитет большевиков Центральному комитету РКП(б) 6 апреля 1920 г. [19, с. 302]. А год спустя, в апреле 1921 г. зам. председателя Кomi облревкома Д. А. Батиев предложил организовать на р. Ухте огромный концентрационный лагерь и направлять туда заключенных со всей России, дабы использовать их труд на нефтепромыслах и лесозаготовках. 20 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В. И. Ленина решило организовать такой лагерь на 10–20 тыс. чел. В конце апреля Политбюро заслушало доклад Председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского о плане «расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте». Д. А. Батиев являлся членом комиссии по организации ухтинского концлагеря, образованной при ВЧК (создание лагеря, впрочем, началось лишь через восемь лет, когда сам Батиев стал одним из первых кандидатов в заключенные) [15, с. 105, 106].

Решением административной комиссии НКВД в 1923 г. Кomi область была определена как регион для проживания административно-высланных. Сюда стали прибывать ссыльные эсеры, анархисты, кадеты и др. В 1927 г. началась ссылка троцкистов. В Кomi области оказались экс-нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов (в годы Гражданской войны — председатель Уралсовета, принявший решение о расстреле царской семьи), бывший главный редактор советской газеты «Труд» Г. Б. Валентинов. Первоначально планировалось, что в Усть-Сысольск будет выслан и ближайший сподвижник Троцкого Х. Г. Раковский, но его отправили в Астрахань. Троцкисты из Кomi-области регулярно переписывались с Троцким и Раковским [9, с. 83–85; 21, с. 551–557]. Внимательно следили и за деятельностью представителей местной интеллигенции. На V Кomi областной конференции коммунистов в 1924 г. отмечалось, что «большая часть коми интеллигенции... относится к советской власти враждебно» [19, с. 309]. Неоднократно арестовывались, например, видный политический деятель прошлых лет В. Ф. Попов и либеральный публицист И. А. Шергин, публикации которого пользовались большой известностью в предреволюционный период [20, с. 91, 92].

В 1929 г. был принят «ускоренный вариант» первого пятилетнего плана, для реализации которого требовалась, в частности, концентрация трудовых ресурсов на строительстве крупных промышленных и транспортных объектов, достигавшаяся благодаря использованию подневольного труда. В том же году Совнарком СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных». В отдаленных малонаселенных районах предписывалось создать крупные исправительно-трудовые лагеря для «эксплуатации природных богатств путем применения труда лишенных свободы». Тогда же ОГПУ организовало в Усть-Сысольске

Управление северных лагерей особого назначения (УСЕВЛОН). 1 октября 1929 г. в лагере находилось 9250 заключенных, а на исходе года — 20276, занятых, в частности, на строительстве железной дороги Пинюг — Усть-Сысольск (Сыктывкар) и автодороги Усть-Вымь — Ухта. В том же 1929 г. экспедиция ОГПУ прибыла на р. Ухту для поисков нефти и других полезных ископаемых. В 1931 г. экспедиция была реорганизована в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь («Ухтпечлаг»), задачей которого являлись геологоразведка, строительство дороги, шахт, заводов и т.д. На 1932 г. в лагере содержалось 13186 тыс. заключенных, на 1938 г. — 54,8 тыс. [20, с.112—117].

В 1938 г. Ухтпечлаг был разделен на четыре самостоятельных лагеря: 1) Воркуто-Печорский с центром в Воркуте, специализировавшийся на шахтостроении и добыче угля; 2) Ухто-Ижемский с центром в Чибью (добыча нефти и радия); 3) Северный железнодорожный с центром в Княжпогосте (строительство железной дороги Котлас-Воркута); 4) Усть-Вымский с центром в Усть-Выми (лесозаготовки). К началу 1940 г. на европейском Северо-Востоке действовало шесть лагерей: Воркутлаг, Устьвымлаг, Ухтижемлаг, Локчимлаг, Севжелдорлаг, Севпечлаг, в которых находилось около 100 тыс. заключенных. В середине 1941 г. число заключенных достигло 260 тыс. чел. В годы Великой Отечественной войны в связи с призываами в армию количество заключенных значительно снизилось (в 1945 г. — около 130 тыс. чел.). Кроме названных, в регионе в разное время действовали Интинский, Верхне-Ижемский, Заполярный, Щугорский, Печорский, Пезмогский, Косланский и Водораздельный лагеря, Речной и Минеральный особые лагеря. Через лагеря европейского Северо-Востока прошли будущий руководитель Израиля М. Бегин, будущий маршал К. К. Рокоссовский, философ и историк Л. П. Карсавин, актер В. Я. Дворжецкий, писатели Р. А. Штильмарк, Л. Э. Разгон, Остап Вишня (П. М. Губенко), геологи А. Я. Кремс, Н. Н. Тихонович, Н. Н. Стрижов, один из первых советских кинорежиссеров К. В. Эггерт, брат первой жены Сталина ученый-ориенталист А. С. Сванидзе и первый муж дочери Сталина кинорежиссер А. Я. Каплер, дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрос, муж Анны Ахматовой профессор Н. Н. Пунин и многие другие известные личности [22—24].

В феврале 1930 г. бюро Коми обкома ВКП(б) приняло постановление о подготовке к раскулачиванию, а ОГПУ провело операцию по «изъятию» «контрреволюционной верхушки кулачества». Исследователи (Г. Ф. Доброноженко, А. Ф. Сметанин и др.) отмечают, что некоторые сельсоветы были объявлены на военном положении, вооруженные отряды окружали «кулацкие» деревни, проводились обыски, в Шошке, Палевицах, Прокопьевке и других селах «допускались издевательства и насилия над лицами, подлежащими раскулачиванию», причем часть имущества отняли и у середняков. «Кулаков» направляли на лесозаготовки, и они должны были работать по повышенным нормам, а уклонявшихся от работы судили. Пользуясь тем, что отсутствовали четкие критерии определения «кулаков», местные власти нередко произвольно подводили под эту категорию середняков и даже бедняков [13, с. 212—214].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» часть кулачества «подлежала высылке в отдаленные местности Союза ССР». Одним из таких «отдаленных» регионов стал европейский Северо-Восток. Спецпереселенцев использовали как рабочую силу для развития лесной промышленности, которая стала «главным фронтом социалистической индустриализации Коми области». По договору между областным отделом ОГПУ и Государственным лесопромышленным трестом «Комилес» в распоряжение треста в 1930 г. передавались пять тысяч «кулацких семей». В 1930—1931 гг. в Коми области было расселено в спецпоселках 40 325 чел. из Украины, центральных черноземных областей, Нижневолжского края, Средней Азии, БССР и Крыма. По данным историков, спецпереселенцы вместе с административно высланными и «местным контрреволюционным элементом» в 1932 г. составляли в Коми области почти четверть населения. И это не считая заключенных! В некоторых районах местное «вольное»

население составляло чуть более половины, а то и меньшинство жителей. В последующие годы численность спецпереселенцев в регионе сократилась из-за высокого уровня смертности и бегства из спецпоселков. Но в начале 1940-х гг. в регионе появились новые категории спецпоселенцев — поляки, евреи и немцы, а во второй половине 1940-х гг. — члены семей ОУНовцев, «власовцы», литовцы и др. Всего в Коми в 1930—50-е гг. было переселено более 110 тыс. спецпереселенцев [20, 25, 26].

На состоявшемся в 1928 г. совещании по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства при ЦК ВКП(б) было сказано, что «в национально-культурном строительстве... проявляются попытки направить развитие национальной культуры по буржуазно-демократическому пути (ориентация на «культурный» запад, отрицание руководящей роли proletariat в развитии национальной культуры, идеализация национальной «старины» и т. д.)». Было дано указание провести соответствующую разъяснительную работу и направить развитие национальной культуры туда, куда надо партии [27, с. 434].

По меткому выражению видного российского историка С. О. Шмидта, тридцать седьмой год для краеведения начался в двадцать девятом. Это суждение применимо и к судьбе всей интеллигенции, да и к населению страны в целом. По мнению А. Ф. Сметанина, для Коми автономной области начальным рубежом ужесточения политического курса стал 1929 г., когда Коми АО вошла в состав Северного края, прекратились дискуссии о возможных вариантах развития коми национальной государственности, а попытки отстаивания ее интересов стали расцениваться как проявление национализма и национал-шовинизма [13, с. 211]. Одной из первых жертв репрессий в Коми области стал упоминавшийся публицист И. А. Шергин. В 1929 г. его арестовали, нашли рукописи «Ленинско-коммунистическое самооболвивание» и др. На допросах Шергин сказал: «Построение социализма — это фантазия... Учение Ленина я не признаю, Ленина гением я не считаю. Деятельность Сталина считаю в корне неправильной...». Он был отправлен в ссылку и умер от истощения [24, с. 124].

Началась борьба с «кулацкой» идеологией в литературных и научных произведениях. Объединенный пленум Коми обкома и областной контрольной комиссии ВКП(б) в 1930 г. постановил, что «местный национал-шовинизм в момент обострения классовой борьбы является отображением сопротивления кулачества развернутому наступлению рабочего класса, выкорчевыванию корней капитализма». «Нацшовинизм» был провозглашен «главной политической опасностью для областной парторганизации». «Бороться надо было и с «примиренчеством к нему, представляющим главную политическую опасность» [27, с. 436, 437].

Было объявлено, что литература и наука являются «полем битвы» между «пролетарской» и «буржуазной» культурами. В 1930 г. в журнале «Ленин туйцд» («По ленинскому пути»), № 5—6 появилась статья Ф. Г. Тараканова «Из национал-шовинистического болота на ленинский путь», автор которой (позднее репрессированный за «национал-шовинизм») подверг грубой критике «махровых националистов» — бывших эсеров, земских деятелей и т.п., активно участвовавших в установлении советской власти, социокультурном развитии области, но имевших такие « пятна » в биографиях. К числу этой «белогвардейской националистической сволочи », как выразился Тараканов, принадлежали многие коми интеллигенты. В конце 1932 г. начались аресты среди коми интеллигенции. «Никто не гарантирован, что сегодня жив, а завтра поведут в тюрьму, а там или с голода подохнешь или расстреляют» — записал 19 апреля 1933 г. в своем дневнике видный краевед А. А. Цембер [28].

Арестованный в 1933 г. Д. А. Батиев вынужден был «сознаться», что организовал экономо-географический кружок при Коми областном музее только как прикрытие для своей «контрреволюционной организации», готовившей вооруженное восстание в Коми области (!). Их конечной целью была будто бы «организация самостоятельной демократической республики» «под протекторатом Финляндии или Англии». По иронии судьбы, Батиева отправили в Ухтпечлаг, у истоков создания которого стоял он сам [29, с. 102]. Один из крупнейших коми

ученых и писателей В. И. Лыткин был арестован и осужден как член мифического Союза освобождения финских народностей, который будто бы ставил целью «отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской автономной области и других автономий (Марийской, Мордовской, Карельской, Коми-Зырянской) от СССР и создание единой финно-угорской федерации с демократической формой правления под протекторатом Финляндии» [30].

Убийство С. М. Кирова в 1934 г. дало толчок новому витку репрессий. Кульминацией репрессий в отношении регионального руководства исследователи считают внеочередной пленум Коми обкома ВКП(б) 1—2 ноября 1937 г., созданный по указанию ЦК ВКП(б) и посвященный «неудовлетворительной работе областной парторганизации по выполнению указания тов. Сталина по разоблачению и выкорчевыванию врагов партии и народа». Начальник управления НКВД Д. Г. Ковалев объявил, что раскрыта контрреволюционная буржуазно-националистическая организация, будто бы действовавшая в Коми целых 20 лет и планировавшая объединение всех территорий с угроФинскими народами страны в буржуазную республику под протекторатом Финляндии. По этому делу были арестованы политические и хозяйствственные деятели, работники науки, просвещения, культуры, медицины, в числе которых три бывших руководителя Коми обкома ВКП(б), шесть бывших председателей Коми облисполкома, три секретаря, семь бывших заведующих отделами и несколько других ответственных работников обкома компартии, 25 секретарей райкомов и горкома, председатель Сыктывкарского горисполкома и 20 председателей райисполкомов [21, с. 560, 561].

В 1940-х гг. количество арестов заметно уменьшилось. Однако вышедший на свободу Д. А. Батиев был снова арестован и расстрелян. Коми писатель Н. П. Попов, еще не отбывший заключение, был осужден на новый срок, после отбытия которого отправлен в ссылку. Выдающегося деятеля коми культуры В. А. Савина по истечении срока заключения отправили на поселение в Сибирь, где он и скончался. Экономиста А. И. Бабушкина, вернувшегося домой из лагеря, сослали на лесоповал в Красноярский край.

После смерти Сталина количество лагерных поселений в регионе значительно снизилось, сократилось общее число заключенных. В середине 1950-х гг. окончательно освободили (сняли с учета) всех спецпереселенцев — бывших «кулаков», большинство «власовцев». Началось частичное освобождение немцев-спецпереселенцев, хотя полностью их освободили из-под административного надзора в местах проживания только в 1964 г., а разрешение селиться в других районах страны и возвращаться в родные места дали лишь в 1972 г.

Но ликвидация ГУЛАговско-спецпереселенческой системы отнюдь не означала, что европейский Северо-Восток России перестал быть местом размещения политических противников советской власти. Во-первых, здесь остались многие бывшие заключенные и спецпереселенцы (большинству не разрешали выезжать). Во-вторых, политсылка в регион не прекратилась полностью. Так, Р. И. Пименов, правозащитник, ученый-математик, близкий друг А. Д. Сахарова, в середине 1950-х гг. отбывавший заключение под Воркутой, в 1970 г. был вновь осужден за свою диссидентскую деятельность и опять отправлен в ссылку в Сыктывкар, где и прожил два десятилетия. В 1983 г. в Коми АССР был сослан соредактор журнала «Поиски» Глеб Павловский (позднее — видный политтехнолог). Перечень этот можно продолжить.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов относительно времени от времени возни- кающих в России дискуссий о том, надо ли сегодня обращаться к теме политических репрессий, происходивших когда-то в СССР. Накал этих дискуссий свидетельствует, с одной стороны, об очевидном интересе немалого числа людей к политической истории 1920—50-х гг. А с другой, о том, что, споря, оппоненты, в сущности, не стремятся понять друг друга. Каждый отстаивает свою позицию, не давая себе труда вслушаться в аргументы «противной стороны», кажущейся в результате гораздо более «противной», чем есть на самом деле. Обычные аргументы одних: «зачем ворошить прошлое», «долой очернительство»... Не менее стандартные аргументы других: «не позволим замалчивать», «не лакируйте минувшее»... Каза-

лось бы, антагонистическое противоречие. А в реальности никакого противоречия нет, по-своему правы (и не правы) и те, и другие.

Да, правда, не надо «замалчивать» прошлое, но и «ворошить» его не надо. Слава Богу, ушел ажиотаж конца 1980-х — начала 1990-х гг. минувшего века, когда впервые стало возможным говорить об истории России без прикрас, откровенно выражая свои мысли. Многим (и мне в том числе) хотелось это сделать, и порой в азарте иные выражались так, что теперь и читать неловко. Вот тогда, действительно, хотелось «разворошить прошлое», и это получилось как нельзя лучше (может быть, кто-то сформулирует иначе — как нельзя хуже). Однако со временем интерес к поиску «жареных фактов» благополучно угас, их любители переключились на другую тематику, а изучение истории политических репрессий продолжил гораздо более узкий круг людей, среди которых, кстати, не только специалисты-ученые, но и непрофессиональные историки, занявшись этим по зову души.

И вот эти серьезные исследования, продолжающиеся и сегодня, представляются мне чрезвычайно важными — не менее важными, чем исследования любых других аспектов истории. Ибо как человеку очень дорог его личный опыт, помогающий принять правильное решение в трудной ситуации, так же и государству невероятно ценен исторический опыт, дающий возможность более точно выбирать направление дальнейшего развития.

Естественно, стремление во что бы то ни стало погромче крикнуть, заявить о себе, побольнее «укусить» «идеологического противника», «поминая» про репрессии при каждом удобном и неудобном случае, присущее некоторым, к сожалению, и сегодня, вызывает отторжение и ни к какому позитивному результату привести не может даже при самых благих намерениях (каковыми, как известно, вымощена дорога в ад).

Но любое серьезное исследование неполноценно без возможности сделать его результаты достоянием общественности — опубликовать, обсудить на различных форумах (естественно, обсудить в деловой, конструктивной обстановке, без ненужной экзальтации и «охоты на ведьм»). Поэтому можно только приветствовать издание солидных трудов и проведение научных конференций по истории политических репрессий, а сомнения в их целесообразности кажутся мне, мягко говоря, надуманными.

На память приходит старая мудрость: «Кто старое помянет, тому глаз вон. А кто старое забудет, тому оба долой». Всё ничего, в том числе и «старое» (в данном случае — историю репрессий), поминать не надо, ибо пустословие здесь неуместно. Но это не значит, что «старое», наше прошлое, включая и его трагические страницы, можно прескокойно вычеркнуть из памяти. Забыв «старое», наш опыт, в том числе и горький, мы сами себя лишим зрения, возможности взглядываться в будущее и, как слепцы, будем суетливо и жалко топтаться на месте, не зная, какой идти дорогой. Ибо если слепой поведет слепого...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Комитеты бедноты в Кomi крае, 1918: сб. док. / Центральный государственный архив Кomi АССР; науч. ред. П. Е. Кулев. Сыктывкар : Кomi кн. изд-во, 1958. 307 с.
2. Установление Советской власти и гражданская война в Кomi крае: сб. док. и матер. / Центральный государственный архив Кomi АССР; науч. ред. Н.Н. Рогачев. Сыктывкар : Кomi кн. изд-во, 1966. 354 с.
3. Королева Е. Г., Попов А. А. Гражданская война в Кomi крае, 1918—1920 гг. Сыктывкар : Кomi кн. изд-во, 1957. 206 с.
4. Попов А. А. Кomi край в период иностранной интервенции и гражданской войны. Сыктывкар : Кomi кн. изд-во, 1962. 362 с.
5. Доронин П. Г. Изваильские партизаны. Сыктывкар : Кomi кн. изд-во, 1957. 136 с.
6. Чупров В. И. Социально-политическая жизнь северной деревни (1895 — февраль 1917 г.). М. : Наука, 1991. 177 с.

7. Политические репрессии в России. ХХ век: материалы регион. науч. конф., Сыктывкар, 7—8 дек. 2000 г. / Инст. языка, лит. и ист. Коми науч. центра УрО РАН; под ред. И. Л. Жеребцова (отв. ред.) [и др.]. Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2001. 255 с.
8. Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: материалы региона. науч. симпозиума, Сыктывкар, 19 октября 2001 г. / Инст. языка, лит. и ист. Коми науч. центра УрО РАН; под ред. А.Ф. Сметанина. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. 191 с.
9. Политические репрессии и сопротивление несвободе: материалы Всерос. науч. конф., Сыктывкар, 29—31 октября 2007 г. / Ин-т. языка, лит. и ист. Коми науч. центра УрО РАН; под ред. И. Л. Жеребцова. Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2009. 264 с.
10. ГУЛАГ на Севере России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Ухта, 27—28 окт. 2009 г. / Инст. языка, лит. и ист. Коми науч. центра УрО РАН; под ред. И. Л. Жеребцова. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. 128 с.
11. Жеребцов И. Л., Таскаев М. В. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) / Историография Коми: материалы по ист. Коми. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1999. С.48—57.
12. Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий / ред-кол.: М. Б. Рогачев (гл. ред.) [и др.]. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1998—2009. 9 т.
13. Савельева Е. А., Жеребцов И. Л., Сметанин А. Ф. История Республики Коми. Научно-популярные очерки. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1996. 286 с.
14. Жеребцов И. Л., Курочкин М. И. Связь времен. Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2000. 863 с.
15. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен / И. Л. Жеребцов [и др.]; под общ. ред. И. Л. Жеребцова. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2002. 342 с.
16. История Коми с древнейших времен до конца ХХ в.: в 2 т. / В. И. Чупров [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Сметанина. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. Т. 2.
17. Таскаев М. В. Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917—1920 гг.). Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2000. 116 с.
18. Жеребцов И. Л., Таскаев М. В. Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1994. 24 с.
19. Жеребцов И. Л., Таскаев М. В. Черные годы. (Революция и гражданская война в Коми крае. 1917—1921). Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2001. 319 с.
20. Очерки по истории политических репрессий в Коми: учеб. пособие для вузов / И. Л. Жеребцов [и др.] ; под общ. ред. И. Л. Жеребцова. Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2006. 242 с.
21. Таскаев М. В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 — первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 610 с.
22. Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929—1956. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 1997. 189 с.
23. Максимова Л. А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2005. 24 с.
24. Полещиков В. М. За семью печатями. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1995. 270 с.
25. Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930—1950-е гг. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2009. 192 с.
26. Спецпоселки в Коми области: по материалам сплошного обследования, июнь 1933 г. : сб. документов / ред.-сост. Г. Ф. Доброноженко. Сыктывкар, 1998. 298 с.
27. Жеребцов И. Л. Клинком марксистско-ленинского анализа / Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий / редкол. : М. Б. Рогачев (гл. ред.) [и др.]. Сыктывкар : Коми кн. Изд-во, 1998. Т. 1. С. 426—467.
28. Макеева Е. А., Панчишина Н. Ф. «Весь многолетний труд» (из дневников А. А. Цембера) / Родники пармы. Сыктывкар, 1990. Вып.2. С. 87—95
29. Жеребцов И. Л. Создатели Коми автономии. Сыктывкар : Изд-во «Кола», 2006. 125 с.
30. Демин В. Н., Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А. В. И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1997. 57 с.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2013 г.